

Саша Немировский
ПАРТИТУРА ПЕЙЗАЖА

Короткие произведения разных лет /2016–2018/

Sasha Nemirovsky
The Score for the Landscape

Illustrations/Cover by **Pavel Tayber**

Correctors: Tatyana Stroganova,
Alexandra Nemirovsky

ISBN 978-1-5323-9935-0

Library of Congress Control Number: 2019900722

© **Woodside Publishing, Sasha Nemirovsky**
USA, California, Woodside, 2019

Книги Саши Немировского

Без Читателя (1996)

Уравнение Разлома (2009)

Система Отсчёта (2012)

На Втором Круге (2014)

Точка Обзора (2016)

Секвойя в Цвету (2017)

Партитура Пейзажа (2019)

Вместо предисловия

Можно ли назвать то, что я пишу русской поэзией американского региона? Бррр... чувствую себя экспонатом в литературоведческом гербарии. Читатель держит в руках вот уже седьмую книгу по «джаз-поэзии», по-прежнему, падающую в атлантический океан между двумя культурами. Утешает, что отдельные страницы за последние три-пять лет прибились к берегам, вышли в печати в разных хороших толстых и тонких журналах, альманахах или на интернете.

Пришла даже некоторая известность. Люди заговорили о «джаз-поэзии» как о новом направлении. Так что в конце книги я включил пару статей о «джаз-поэзии», в которых читатель найдет как теорию, так и практику этого направления поэтического Слова.

За прошедшие с момента выхода «Точки Обзора» три года, жанр пейзажей, вырос, поменял форму «кисти», ширину «мазка», да и сами краски обогатились полутонами. Так же появились «джаз-поэмы», где развитие мысли проходит через несколько музыкальных форм и мотивов. Строго говоря, это никакие не поэмы, а просто очень длинные многослойные композиции.

Как и предыдущие книги, «Партитура Пейзажа» – это не просто компиляция разрозненных стихов: произведения стоят в определенной последовательности, перекликаясь и создавая общее полотно. Содержание ограничено хронорамками 2016–2018 годов.

Комментарии, отзывы, просто контакт через сайт:
www.nomer.us

Ваш автор

время кружится в «па» под размер трех четвертых

Игра

Я живу в нереальном мире реальных чисел
словом, чей смысл
утрачен, так что звук потерял опору.
Я строю домики
из картона
цифр. Новоселы в двориках
меня называют «лысый,
предпочитающий дорогу в гору».

Та дорога всегда короче.
А что известно про умника
в этой связи – неправда.
Впрочем,
в нереальном мире трудный
путь иногда проще –
если не получилось, только сам виноватый.

Множественно
вычитенный, умноженный,
поделенный
я бреду к миражу успеха за глотком терпкого
напитка счастья.
Мне число протыкает кожу
и медленно
превращается в осколок зеркала,
и тот становится - властью.

Разность
между истиной и миражом,
память о том, что могло не быть, -
и та быстротечна.
Не обнять, не полюбить.
График функции, обреченный на бесконечность -
вот и всё, что со мною произошло.

(080918)

*Следующие стих и блюз посвящаются памяти
Павла Тайбера, чьё искусство так украсило эту книгу.*

На смерть художника

Засохли краски.
Вывезли холсты.
В передней толпы.
У сказки
наступил конец. Листы
перевернулись. Том захлопнут.
Перемолчать. Слова сейчас пусты.

Лишь смотрит облако с лицом собаки
на городок одноэтажных изб,
где школьники столпились у столба.
Так не бывает. Это враки,
чтоб ласточки все вместе собрались
на проводах морщинками у лба.

Наступит день. Рванутся чайки клином.
за океаны. И пойдёт молва.
Пожать бы руку. Встретиться в гостинной.
И наплевав
на запрещения врачей,
кутить. Опущены с повинной
глаза. Мир продолжается. Теперь уже ничей.

(270517)

Художник

Одинокий домик парит в голубом небе
в окружении облаков.
Я постучу негромко. Мне откроет гном.
Набекрень
надета треугольная шляпа, а с боков
топорщатся крылья,
заполняя дверной проём.
Он протянет руку -
рукопожатие с избытком силы
не на шутку.
Мы улыбаемся вдвоём.

Прямо с крыльца я войду в комнату
и окажусь в чертогах замка,
где три музы в масках,
исполненные
величия, снизойдя к моему приветствию,
кивнут музыканту,
стоящему на подиуме.
И тот в соответствии
с этикетом
заиграет еще не сочиненную мелодию.
Дудочка, пальцы, рот.
И станет понятно, что законы физики
подчинены сюжету,
а не наоборот.

Сюрпризы
не прекращаются. Красный рыцарь
на белом коне пересекает двор -
цоканье подков, клцанье доспеха,
сверканье шпор.
Лица
зевак разглядывают моё – «кто приехал?»
Разговор,
споткнувшись, продолжается о своём.

В углу под башней стоит маэстро
и пишет точным мазком кисти
фонтан, водоём.
Руки - продолжение глаз.
Место,
где я застыл, заполняется листьями,
падающими с дерева, где враз
пароход на ветках
нашел, наконец, причал.

Дым из трубы, я вдыхаю его вместе с ветром,
гнувшим деревья, хлопающим по плечам
моей же курткой.
Там наверху загораются празднично
окна над порталом.
А тут шуршит ветер, крутит
занавески, мусор, тряпье,
выгоняя меня. И жутко
вернуться в мой мир из этого сказочного.
Но рыцарь опускает забрало
и наставляет копье.

(051116)

Йом Кипур

Я вырос в местах, где прохлада всегда зловеща,
а подвох и обман в норме вещей.
Поэтому резче,
чем принято, откликаюсь на обиду.
Из полезных ремесел умею колоть дрова,
и не подавая виду,
что пальцам больно,
без использования клещей
вытаскивать ржавые гвозди.

Я из эпохи, что не отстаивала свои права
и была довольна
искусством одиночек, а вовсе
не продуктом команд,
как-то: кинофильм, цирковое шоу
или ещё что, лишь бы было прикольно.

Я рад
большому
событию и всем приходящим в дом,
но на чужом празднике всегда на страже.
Отчего часто смотрюсь нелепо,
пытаюсь вжаться
в дверной проём,
хорошо помня, что как-то даже
получил приглашение на небо
и смог от него отказаться.

Я обучаюсь прощать, не переходя к мести,
она лишь добавляет боль от событий.
Велика роза ветров -
можно разойтись. Но не забыть.
Из песни
сюжет не вынуть. И я помню тех, кого я обидел
дольше тех, кто принес добро,
чтобы, когда ударят, быстрее понять откуда.
Но пока не разучился любить,
благодарю за чудо.

Благодарю за то, что не иссякает порох
брать паузу на красоту и переживать страсти.
Не покинь, когда настанет время разборок,
и я перестану помещаться со своим животом
на тропинке счастья.

(111016)

Несемейный альбом

Здравствуйте, девочка с побелевшими волосами.
Узкие плечи, под косметикой морщинки у глаз.
Мы случайно встретились, мы плясали
под джаз,
всплескивая руками
в ритме бегущего по ним тока.
Вы не помните?
Это было на пьянке много лет тому.
Клубничка оказалась на вашем ломтике
именинного торта. В большой комнате
сначала играла полька,
а потом заиграл джаз и потащил нас к дну.

Да, с тех пор начался ветер.
И принес меньше радости и больше мусора,
отчего мотив времени зафальшивил столь
сильно, что часовая стрелка застряла
в другом столетье.
И сегодня новая музыка
стряпает
для меня лишь головную боль.

Мы рассчитали родителей «на первый, второй»,
проредили друзей, только не поменяли глобус.
Смех стал почти похож на веселье,
под ним глубокий не слышен вой,
на который, даже с похмелья,
перед работой, поутру,
больше не срывается натренированный голос.
Вы спрашиваете, как меня зовут?

А я не знаю, как правильно, левую или правую
руку тянуть для милостыни.
Видел, шляпу кладут перевернутую в пыль у ног.
Мы в одно время с тобою выросли
на похожих кормах и травах,
и, конечно, не может быть у нас разный Бог.

Девочка, ты больше не носишь короткие платья.
Одежда надежнее взгляда тебя согреет.
Ты не поднимаешь глаз, чтобы не обмануться.
Я потом понял: руку протягивают ту, что здоровее
из двух будет. Если ударят или захотят отнять, то
чтобы не просыпать. Унести. Не споткнуться.

(110617)

К юбилею Пьеро

Две четверти или немного больше
от прожитой.
Время нарушает закон перспективы.
Сначала оно гораздо толще,
потом сходится в точку,
в которой стоишь сегодня.
Из той
тесной квартиры,
заваленной начинаниями,
книгами и прочим,
испачканным в «ля миноре»
(что текущей эпохе уже не пригоден,
потому как бренчанием
давно весь растрочен),
чертишь линию, смотря обратно,
от моря,
от пляжа, курортного городка,
через пятна
в дневнике, на одежде к намётам
снега за дверью дачи,
заклинившей от просевшего потолка.

Качество
двух четвертей как минимум – это случай,
когда сокращение числителя
со знаменателем невозможно –
потеряешь опыт. Лучше
не упрощать.
Большую (теперь уже) половину осторожно
несешь через перекуры,
игнорируя боль в плече, саданутом с похмелья,
и от попытки начать
снова спасаешься чувством юмора.

Пролетающие недели
забываешь клиньями выходных –
цветные кружева, вставленные в ковёр
событий.
Привет тебе, Пьеро!
Фотка с Мальвиной, бьющая под дых,
да, сбивающий с прыти,
крутится «ля минор»:

Ругает собака заблудшую кошку без визы.
Шестнадцатилетние барышни требует торта.
Аккордов
шагами восходишь опять ледники да карнизы,
забывая принять от давленья в разбухшей аорте.

Когда капли разлиты –
ах, порта
рюмашка! Да ноги поближе к камину
без запаха гари.
Повторяется роль – тоже форма молитвы.
Время кружится в «па» под размер трех четвертых,
продолжая сценарий.
Не вступило бы в спину.

(160517-301118)

К юбилею Джульетты

Ну что, старуха,
шестьдесят?
И юноши не ходят по ночам и не висят,
обняв балкон?
Потухла кожа. Напрочь отстоят
от головы два уха
в серых волосках.
А, помнится, на фотке: ушко локон -
завихрушка,
скругленье попки в юбке,
далее – на каблуках
стройнее ножек нет. Подружки...
Нынче сухо:
автоответчик в телефонной трубке.
Иные канули, иные по домам
на пенсионе, на таблетках.
Еще строчить для внука
на Halloween кафтан,
скелетики на ветках
размещать.
Еще, ссудачив важное с неважным,
разрушив скуку,
прополоть газон,
суп щавелевый
сделать мужу. Уснуть.
Приснится пляж, а по нему вальяжно –
Ален Делон.
Ах, да не в этом суть.

(101118)

«Случайно вас когда-то встретья»

(Пушкин)

Когда по сюжету романа догадываешься о его конце,
подозреваешь, что автор –
выдумщик.
Другое дело, в итоге лет с морщинами
на лице,
с уверенно предсказуемым завтра,
собраться
и вымученно
посмотреть в начало. Вспомнить
свои семнадцать.
Какой там Каретный!
Просто – хотя бы вспомнить.
Постараться.
Как её звали ту, кроме
которой ничего не было нужно, тем летом?
Кажется, Таня.
Имя подходит, по количеству бед, на неё упавших,
только его и можно
вставить в замысел, происходящий
далее и не с нами.
Кружево моих слов никак не поможет
вызвать звучание её голоса или стройность фигуры.
Память на грани
отказа.
Построение, урок физкультуры.
Кто она, по счёту – первая, вторая сразу
после края скамейки?
И куда она канула, сойдя с платформы,
проводив поезд, идущий в Чоп?
Или соскочив с рамы моего «велика»
у подъезда, наказав улыбкой,
а ещё
мы обещали писать. Но куда деваться?
В памяти опять дырка.
В компьютере полетел диск.
Вспомнить свои семнадцать –
самому себе предъявить иск.

(060618)

★ ★ ★

С.Зевелеву

Когда уходит поэт,
по другому звучат его строчки,
в них слышится мелодия точки,
даже если её там нет.

Не важно что это: глупость, отказ здоровья,
петля ли, рука с пистолетом?
Слова, оттененные кровью,
падают, не промахиваясь при этом.

Нам, оставшимся, теперь грустить
строфами, утыканными по перышки.
Надеяться, что успел простить.
Читать и перечитывать, чего уж там ещё?

(031116)

Разговор с бабушкой

Ты говоришь «любить детей»
потому, что они заявка на вечность?
Наших идей
невоплощенных возможность?
Душе дополнительный шанс
вновь беспечной
плыть по жизни несложной?
Быть ребёнком –
это не предъявлять подорожной,
когда освещает ажурной
улыбки пронзающий свет.
Принимать всё анфас,
обрываясь в залиvistый смех,
словно ветер в позёмку,
потому лишь, что время бесшумно,
а это единственный звук,
оставляющий маркер на нём.

Я на память надену доспех,
всяким окликам глух,
продолжаю копать в песке,
и с мечом и ведёрком
ходить в водоём.
Я любимый и маленький.
Снова подросток в задачках по алгебре,
да в «айпада» игрушках,
где оркестрик играет тот камерный,
заводящий мотив из динамика.
Ты напомнишь – «в наушники уши!»
ну пойдя, догадайся, что рыцарь погряз в ноябре,
что волос на виске
не осталось, как листьев на ветках
облетевшего леса с опушки.

Там встречаю рассвет,
просыпаясь в кровати, где стоят в изголовье
разодетые принцы,
окруженные толпами предков
моих. Только сотни, а может, и более лет
смерть им ставит в дневник единицу.
И застряла машинка с любовью
на возврате каретки.

(081117)

Моисей

Правнуки давно не проходят под стол –
выросли правнуки.

Ствол
семейного дерева уже в ширину страны.
Дали, которые видны
с его вершины,
не имеют названия.

А ведь вчера ещё эти паршивцы
бегали в шортах, что твои лабухи
орали песни.

Я теперь вот осваиваю
занавес тишины
с Ципорой вместе.

Посох стоит в углу, покрылся пылью.
Зачем посох, если родник бьёт
не иссякая?

Пройденные в скитаньях мили
застроены домами. Кто в них живёт -
не знаю. Скрижали
стоят на полке –
зачитанные, переизданные на бумаге.
Хорошо, что про них не забыли
в суете потомки.

Злаки
открытого мне Закона,
переодетые тщательно,
колосятся к северу от Босфора.
Галлы, гунны и даже варяги
заметили, что вселенная более благосклонна.
«Ну и замечательно»,
как говорит Ципора.

Спасибо Всевышнему за неё,
особенно, когда дети выросли.
Я смотрю ей в глаза – и в них моё
всё. Все, кто пошёл за мною
и всё, что они вынесли
за тысячи лет. Победители правы.
Я вижу ясно, под их ногою -
не сохнут травы,
а восходят цветы.

Я купаюсь в том хороводе из запахов.
Это – местная роза, это – северная ромашка,
а вот – лилия с запада.
Кружево из людских имён.
И пока намерения их чисты,
как свет **у**тра,
Я их любовью укутан.
и потому за них мне не страшно.

(210118)

Весна

Политкорректно с соседкой
о здоровье, про трафик в час пик,
про то, что садовник шумит по субботам так рано.
Про редкий
грибной
поливающий дождик, что в миг
превращается в ливень и рьяно
срывает все планы
на день выходной.
И про то, что старик,
слава Богу, здоров. Значит, можно мечтать
оторваться на пляж –
то ли Мексика, то ли Гавай.
Лишь бы как-то отсюда, туда, где пейзаж
не привязан к часам, как к оправе
очки, чтобы их каждый взгляд замечать.

Я прикроюсь рукой
от палящего солнца, сменившего тучи,
и в худой
моей тени на мокрой еще мостовой
укроется ящерка. Я ей представляюсь, как случай
из темной засады стремглав ухватить себе муху.
Так на завтрак рванется душа.

Что соседка? С собой хороша,
улыбаясь прохладе, продолжает своё ни о чем
и травинку мотает на руку,
Обнаженным от сбившейся майки плечом,
обнимая весну.
Ей еще предстоит на блесну
зацепить кавалера,
чтобы было за что, многолетье спустя, превратиться в старуху.

Наверное,
я не прав. Призывающий взгляд есть надежда на лето.
Укрывает, как мать,
у дитя обнажившийся бок –
когда колыбельная спета,
можно только молчать.

Улыбнувшись, ухожу, тороплюсь.
Так, чем далее Бог,
тем я тише молюсь,
чтоб не спутать ответа.

(160417)

Колесо

Ничего не останется, только глина
слов,
из замеса которых взошел
и в которые канул.
Информация карандашом
на бумаге, пеликаны
караванным клином
вдоль обрыва над морем,
баркас, продающий небольшой
улов,
покупатели строим
на причале,
и мое отсутствие, как давным-давно,
тогда в начале.

(110518)

Дата

Будут вяло цветные флажки
на просторной маслине
колыхаться
под ветром.
Будет вечер тихонько катиться
над огнями в долине.
Вся жизнь безалаберно в старой
любви по отдыху развода погразнет,
а новая будет учиться
катать пирожки
из готового теста.
Только рано и прочь
собираются гости, изрядно
не выпив пред дорогою длинной.
В гулком доме приветствовать зимнюю ночь
в безморозном контексте
объятий, наверно, любимой.

(191218)

мой терпеливый край

Памяти пожаров в Калифорнии

1.

Большой пожар статистика
будет измерять на акры,
умноженные на единицы валюты –
это количественная сторона беды.
Физики
будут отмечать лютое
сочетание факторов.
Пока, разевая клювы,
воронье продолжает каркать
над пепелищем корма.
Там, где вчера – сады,
виноградники, домики или виллы
сегодня ничего, кроме
труб от каминов,
немногих остовов стен, что слепили
собой углы, стоящие
сами по себе.
Мимо
проезжающий почтальон
находит редкий сохранившийся ящик,
что огнем не вспорот.
Внучка ли писала дедушке, корпя
над буквами «а», «б»?
Машинка как шарманщик,
повторяет шансон
«stop and go»
речитативом разрухи.
Как выглядел город?
Лишь архив фотографий – памяти якоря.
Летописи, слухи.

2.

В многомиллиардный год с момента сотворенья.
В такой-то день. Назначил Ты, что эти будут парой.
И вышло всё по Твоему велению.
И нежность, и обиды.
Мы перевиты,
переплетены,
нам карой
расставанья матине
в течение дня, заваленного бытом,
где к вечеру зажгут огни
пожара западные ветры.
Открыты,
беззащитны в них - одни.
Так правильно ли я читаю Лету,
или не тот подход?
Мне ровно сто.
А ей немного меньше.
Ревёт пожар, что послан на двоих.
В многомиллиардный год.
Перевернуть листок.
Из книги жизни выпадает стих:
«Спасая женщину».

(211017)

Лас Вегас

*«и повторится всё как встарь»
(А. Блок)*

Когда время кончается,
остаются вещи, которые не успел сделать.
Как незакрепленные винтики.
Так выглядит поражение.
Ночная пора.
Фонарь качается
над своим отражением
в воде над рябью канала.
На аптеке мелом –
граффити.
Компьютерная игра,
где не пройденный уровень
приходится повторять сначала.

Выбирая тела и фигуры
различного свойства,
забыть, что нет ни времени, ни пространства.
а только Слова. Их воинство
прикрывает правду от искажения,
защищая истину маскировкой празднества
и тем подчеркивая к ней уважение.

С пренебрежением
к уровню этой игры,
Герострат снимет 32-й этаж
небоскреба, где внизу загон,
куда крысолов доставил невинных.
Они открыты,
с бедой незнакомы.
Фигуры падают. На равнине
не скрыться. И через стон
проступает время – уже не мираж –
реальность. Исполняя закон,
мы легко, без оружия,
входим туда, куда наши предки
не вошли б ни за что без кольта
или двух на вышитой портупее.

Делая вид, что помним минувшее,
мы глотаем таблетки,
сбрасывающие разум на ноль,
лечась от болезней, которыми не боеем.

Я прохожу по аллее
из красных имён на белых крестах,
перечеркнувших город греха,
как ошибки учитель на листах
сочинения,
прежде, чем предать его ветру.
Этих ли слов строка,
сознание проминая,
есть открытая истина, а значит, прощение?
Уходя, мы легко вспоминаем,
что бессмертны.

(071017)

Эпоха выбора

*«где судит судьбы чернь магометанства в ночных чалмах»
(Б. Чичибабин)*

Моя милая, вот еще одна демократия помирает
на наших глазах, давая дуба.

Царство добра покрывается ряской ненависти.

Если что и играет
роль, так чувство страха, говоря грубо,
направляемое посредственностями.

Великая идея вырождается в фарс.

Всё тайное становится явным.

Что раньше виделось в профиль,

теперь предстает анфас,

и прямо,

вид на него уродлив.

Знатокам истории – будущее бесперспективно.

Нас лишь спасает безграмотность

да полное отсутствие стиля.

Иначе стыдно.

Грузовик закатывает в асфальт память о дне Бастилии
во славу Аллаха на набережной в Ницце.

Другой радикал расстреливает ночной Орландо.

Безоружные, нечем защититься,

в расход пущены Брюссель и Париж.

Ладно

были бы сказки про Аладдина –

далекое время и чужое место.

А это по нам и гораздо ближе –

Сан Бернардино.

Злые чужие дети. И не объяснить.

Глухота поколений взаимна.

Каждое новое желает «получить и иметь»,
наивно

не вырастая до «создать и оставить».

Посметь

хотя бы однажды

напоить строптивую лошадь – так не найти цыган,

пока запоздалая жажда

не случится, а тогда уже не поправить.

Дорогая, я пишу это в начале конца эпохи,
у которой религией был карман,
и которой, может, на наш век и хватит
в каком-то виде. Сегодня это ещё сполохи,
но времена платья
уступают чадре.
Как ограничитель она мешает сознанию,
а значит, и творчеству.
Но нарушить запрет
и её раздеть –
потребуется поколение.
Целиком. Творец же всегда одинок,
а в пределе одиночества
по времени
остается только созидание
или смерть.

Эти мысли грустны, а в форме слов першат
в горле. Современное магометанство
катит каток зла на детей, за нами идущих.
Ну как отказаться на брудершафт
выпивать с призраком свободы?
В поисках постоянства, не зависящего от власти,
в сущности,
можно лишь чуть дышать,
находя утешенье в природе,
которая иногда говорит
на языке счастья.

Покуда, отражая солнце, горит,
штопая облаков розовеющее одеяло,
игла заходящего самолета.
И пока парит
над заливом покрытая красным налётом
заката гора «Дьявола».

(271116).

к 21-му чемпионату мира по футболу

Да, тиранчик неплох. Обеспечил и хлебом, и шоу.
Что режимчик в крови, так всегда недовольные есть.
Пусть приходят, шумят возле театра Большого.
Улыбается тот, кто умеет откладывать месть.

Мои ноги устали печатать походку по кругу.
Мои руки застыли, ладони к затылку прижав.
Если буду послушен, тогда мне позволят подругу.
Улыбается тот, кто умеет легко обижать.

Бесполезны надежды, Господь замышляет другое.
Повстречать человека – и жалко, и сердце щемит.
Барабанная трель убивает живое в гобое.
Улыбается тот, кто потом никого не щадит.

Вот восходит душа, от земли оторвавшись неспешно.
Не злодей и не жертва - теперь только глина и прах.
Не суди, помолчи, не бывает безгрешных.
Улыбается всяк, позабывший про собственный страх.

(060618)

Полоний

«If ever a people took its energy from hope, it is the Russian people.»
(John Steinbeck)

Привет тебе, мой терпеливый край,
надеждою на завтра
сегодня жизнь влачащий.
В колоде лет, как ни перебирай,
всё злость и зависть выпадают чаще.
Кто виноват, кто прав? –
в себя смотреть больней.
Оставим уши пропаганде лести,
закроем взор.
Когда из горьких трав
готовится елей,
то в прикупе – погоста крести.
Под серым легче прячется позор,

Над Авалоном небо обложное.
Здесь недостаток солнца – не помеха,
лишь бы не жгло.
Мы не скрываем вздоха:
что лишено
понятья чести – есть смешное.
Мы улыбаемся. (Кому-то не до смеха.)
Но верим твердо – худшее прошло.
Пускай сегодня плохо,
пускай сегодня трудно –
во имя Завтра
в кровь сотрем ладони,
потерпим, стиснув зубы,
штыком долбая руды.
В Крыму, не правда ль,
добывается полоний?

(180818)

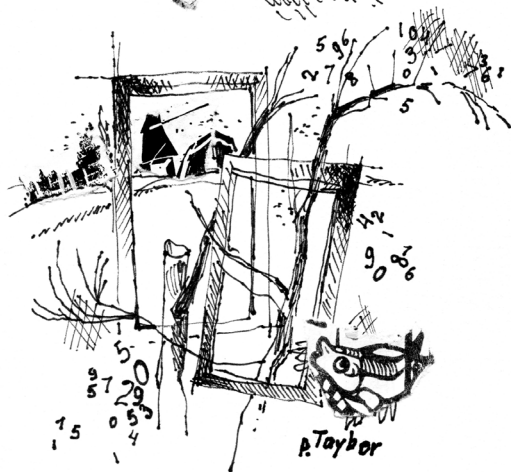
Солдат

Ну плесни ностальгии
на два пальца в граненую рюмку.
Эта водка не вызывает похмелья,
она лишь футляр для беседы.
О чём? – да на утро не вспомнить.
Улетели валькирии –
значит мы победили соседа,
из оставшихся сил задираем красавице юбку,
понятное дело, в продолжение веселья.
Что, нескромно? –
так пёс его!
За Кесаря
мы теперь голосуем ногами.
Побег – это тоже победа, где на выходе жизнь.
Я возьму себе ангела замуж. Нам тесная
комната будет дворцом. Там, шить
научившись,
она мне подарит накидку на шрамы.

Когда перестанут пугаться,
тогда я начну забывать. Только вряд ли забуду.
На войну отлучившись
однажды, с неё не вернуться.
Будут
всюду мерещиться ямы,
и в них иноверцы, что грудой
до верху. Ты выбрал – остаться.
Стремясь не споткнуться,
набивши карманы,
мы в храмы
приносим чуток подношения,
опять начиная ходить, а не красться.

Ну еще на два пальца.
Мы пытались брататься
в избежание срама.
Победители – в пляс.
А теперь, в отрешенье,
ждать и молиться, чтоб не вышел приказ.

(150918)

миндальные подъяв глаза

The wine trail

Намек на свет. Так розовой полоской стилия
запущен день. Бежит строка из под портьеры
ночи
и произносит птица, сдвинув крылья,
заклинание восхода. И ты не прочь бы,
пославши всё, отправиться, к примеру,
на пляж, забраться на вершину,
вместо того, чтоб складывать и что-то умножать.
Там в полной мере грудью задышать
вдали от смога,
но бытие в контраст природе беспричинно.

Пирога
памяти, где арифметика – весло,
сгребет людей в коллекцию записанных нейронов
и так оставит. Расставанья на перронах
и встречи в аэропортах. И, если повезло,
картинка четкая надолго сохранится.
Как хорошо, когда всплывают лица,
В подробностях, событиям назло.

Я помню столики и зонтики –
цвет голубой
на фоне неба, тоже голубого.
Винарню, лето, мы с тобой
в Сономе.
Под ломтики
поколотого сыра
вино поэзии, налитое в бокал.
Оскал
оставленного мира
за стеклом.
И мы вдвоём.

Как просто жить, когда б коротким мигом
являлась жизнь!
Душа растёт, сменяются вериги –
под них пляши.

И я пляшу. И даже, если часто
в сомненьях
серый,
проржавевший день,
надежда-свет, что память неподвластна
изменениям –
есть вера.
Ну, хотя бы веры тень.

Темно. Восход еще в намёке.
Когда вдруг мозг
как вспыхнет, вспомнив
(какая блажь
зажжет нейронов токи?) –
Неважный тост,
бокал вина в Сономе.
И весь пейзаж.

(160717)

Сентябрь в Палмеле

Сентябрь в Палмеле.
Стены замка над облаками тумана парят
отдельно от его основы – крутой горы.
Руки хватаются за объектив.
Глаза, ища ракурс,
на самом деле,
находят аперитив
из мускателя,
что обжигает ряд
из мыслей о делах, забытых до поры,
далёких, как тот парус,
чиркающий волну залива, на пределе,
доступном взору.

Сквозь гомон детворы,
что оживляет вековые камни,
вдруг ржание лошади –
туристский фазтон, бредущий в гору.
Отдача эха в кельях бывшего монастыря.
Я чувствую себя здесь в панораме
времен, как их хранитель,
строго говоря,
не потому, что помню прошлое,
а потому, что я есть прошлое, зависшее
на нити
в настоящем,
с надеждой, что не зря.

Переживать о преходящем,
не пропуская мимо стильный сарафан,
подрезанный в капризе моды.
Босую пару стройных ножек
вниз к шлепанцам, к клюющим крошки
грязным голубям,
слетевшим с ветки.
Свиданья место – полоса
под знак сигнала перехода.
«Ах да, сеньор, – миндальные подняв глаза, –
монетку
не бросайте никогда в сухой фонтан».

Приветствие умерло, не начавшись. Я опускаю руку.
Чем-то западные побережья континентов похожи.
Жара спадает. Прикуриваю трубку.
Ветер листает кожу.

(080916)

Открытка из Хайфы

Здесь хорошо в вечернюю прохладу
пройтись под горку, выпить пива,
посидеть
с друзьями вкупе.
Глазам в награду –
виды на красиво
вознесенный купол
усыпальницы над портом.
В переплетении сетей
из рам подъемных кранов курлычут птицы.
Рой у хранилища в расчете на зерно.
Когорта
из террас
восходит от немецкой слободы
в порядке регулярном. Устремиться
вверх по ним и мне, но
не припас
заранее воды,
хотя бы флягу,
чтобы вблизи разглядывать узоры ваз,
внимать ручьям, шуршащим по ступенькам,
вдыхать цветы в вершинах водостоков
и помаленьку
размышлять, забыв напруги,
о равенстве людей от колыбели
и до мгновения, когда уже не храбры.
Сквозь мудрости, услышанные в речи,
смотреть, как волны запада мешаются с востоком
в бокале красного со склонов Галилеи
с пейзажем на кокетливую сабру.
Здесь пил предтеча,
Здесь бывал пророк.

(020218)

Швейцарская открытка

Циферблаты озер,
как текущее время Дали.
Секундная стрелка соборного шпиля под вечностью гор.
Корабли.
Их снастей перебор
у причала
переходит в тумана простор,
разрезаемый замком, где плечами
две башни
и над левой в дали -
«Маттерхорн»
сквозь альпийские кряжи.

Разговор
на немецком прохожих спотыкается в русский.
Туристы с востока на швейцарском курорте,
как будто опять девятнадцатый век.
Только блузка
по моде. Открытые ножки, и на отвороте
сапожек чуть стёрто.
Да солнце замедлило бег.

Водопады из рек
сходят в озеро возле отеля.
Здание в стиле прошедшей эпохи.
Бухта. Плёс.
Ледники набегают волной по прозрачной воде.
Силуэт Вильгельм Телля –
памятник у новостройки.
Белый лебедь скользит и балетною пачкою хвост.
Па-де-де.

И конечно, симфония просится
в нотную запись. Подыграть этой птице-царевне
мелодию снега и тему крыла.
В вышине гнутся горы колосьями.
Дует время сквозь щербатые гребни.
А про всё остальное история соврала.

(220117)

Новый Год

Декабрь.

Последняя роза восходит в саду
навстречу низкому солнцу.

Корабль

года на ходу,

подминая водоросли

памяти, покидает гавань суеты.

Взрослые

на охоте за подарками для детей

так, что сомкнутые зонты

плотно покрывают полотно тротуара

живым слоем.

В поисках идей

толпа наваливается прибоем

на магазины.

Сухим остается лишь берег у стойки бара,

где, заказав мартини,

местное одиночество переживает праздники

в компании из самих себя, точнее, в пустыне,

под телевизор, где чудеса пластики

представляют крысиный король,

Щелкунчик и иже с ними.

Роль

Нового Года всегда в надежде,

которая есть функция от неопределенности

по страху.

Не вдаваясь в подробности

математики, полагаясь на интуицию,

выжить, если события вдруг порежут

с размаху.

Коалиция

из наряжённой ели плюс тепло близких –

это крепость.

Она сторожит водораздел времени,

уходящего «по-английски»,

без прощания,

в движение стрелок над рисками,

в январский бутон,

уже вызревший, как обещание,

что всё будет хорошо. Без сомнения.

Январь.

Полыхающие цветы магнолии -
как чайный сервиз, накрытый на ветки без листьев.
Как увертюра тепла. То ли
так бликует фонарь,
что они отражаются в твоих глазах, то ли
новогодняя ночь вообще лишена смысла.

(281216)

Чикаго блюз

Зачес туристского парика
на черепе 20-го века трущоб Чикаго.
Улыбка заката на вершинах готики
небоскребов.
Взгляд на стеклянное небо снизу, издалека,
жителю бетонного саркофага
слегка
напрягает шею.
Нолики
подавляющего богатства вжимают пришельца
в асфальт тротуара
недостижимостью такой мишени.

Июнь в Чикаго.
Сирена неслучившегося пожара
прерывает разговор
и мешает мысли в салат эмоций.
Рука тянется к пистолету, которого нет.
Суэта споткнулась. В её отливе простор
улицы.
По ней, пожарной в пару,
сзади, как куцый
пес, полицейская с обиженным визгом.
В остальном, трафик всегда плетется –
ремонт дороги или красный свет.

Я вдыхал жару,
перемещаясь от бара к бару:
кондиционер, столики, сцена,
хрипит труба,
перехватывая виолончель;
пара
из двух девчонок, смешанная пара,
рубаха –
бомж под мостом – тряпье, постель
из спальника, бутылок пластик.
Прокрасться мимо
на побережье, там, где мель
от озера приходит в пляж. Затылок
однополрой пары.

Дом старый.
На фасаде подсвечены грифоны.
Взмах роскоши другого мира –
от пола окна,
потолок журчащий красками мозаик,
плафоны
«тиффани», фойе, квартиры
и стайка чаек,
пролетающих на этом фоне.

Ночь в Чикаго.
Снаружи лестница, в ней стонет
ветер, сбивая с шага.
Гостиница, этаж шестой.
Одноэтажный житель – я бездомен.
Пейзаж прекрасен, холоден, жесток.

(260618)

Ривьера Майя

древние Майя верили, что человек был сделан из кукурузы

Из рюмки тянет запахам агавы.
Февраль над Мексикой
склоняет пальмы в пояс.
И происк
альбатроса над тарелкой,
где стол накрытый,
упрощает нравы.
(По телефону текстики
безделья.
Здесь южный полюс
в представлении сеньориты
издалека, залетом на неделю,
с его жарой, что нравится кокетке.)
Луны дорожка, приходящая на конус,
в барашках волн светящиеся клетки.

Здесь танец с карточкой
заводят официанты,
не по ранжиру барина представив.
(Под ветром кофточка
на девушке взлетает
и вновь пристанет,
лишь порыв утихнет.)
Мы – меценаты,
если так прикинуть,
нельзя нечаянно
ошибаться с чаевыми
ничем не выйдя,
ни лицом, ни телом грузным,
у барной стойки над салфеточным молчаньем.
(Шаг вдоль, шаг в сторону, вращение плечами.)
Лишь пеликан, пикируя отважно,
стал однозначно понимать по-русски.

Потомок Майя ест початок
кукурузы –
uno cervesa
или dos – уже неважно.
Гитара под сомбреро. Джаз ночами.
Ривьера Мексики, исполненная песо.

(010318)

Австрийская открытка

Ноябрь. Вена. Здание музея. Старший Брейгель.
Наряженная ёлка.
Зачем я здесь?
Гениальные панели,
взвесь
мороси, что воздуха барокко
легла на спесь
фасадов, на кафедральных башен стебли.
Весь город разукрашен
к Рождеству, что длится месяц
из обветшалых дней.
Как пряна ночь искусственных огней,
когда над улицами люстры светят,
когда ступени лестниц,
не стыдясь граффити,
нарядных девочек ведут на пьедестал.

Дождь перестал.
В зените
красный шар – как есть намек.
Полотна площадей, холсты дворцов.
Под козырек
парадного подъезда забился фаэтон.
Зажаты тормоза.
Возница что-то мямлит –
немецкого стаккато сухота.
Кариатиде мокрое лицо
поможет вряд ли,
где каменных орлов отбеленный жетон
всё стережет
еврейского квартала воздух
от побега. Барух Ата..
Прижата глыбой память Холокоста
на Юденплац.
Давно ли Питер рисовал те кости?
Почти полтысячи годов тому назад.

(261118 , Vienna)

Санта Круз

1.

Под вечер солнце – пир для глаз над океаном.
На радость телу – под ступнёй песок.
Здесь пеликаны
ходят караваном, и рвано
облако лучом наискосок.
Лесок
прибрежный над коварным
спуском
штормами погнут. Корни воздух плещут.
А узкая
тропинка по обрыву шепчет
серпантином между плеч
холма.
Тут можно устриц
зацепить на пирсе рядом.
Тут молодость и старость, обе прямо
равняются на бронзовый закат, чья мгла
прозрачна в долгом переходе
из света в тьму.
И, неподвластна слову и уму,
здесь гордость бытия сдалась природе.

2.

На задворках вселенной и небо без туч,
и вкуснее вода из ключа.
Луч
закатного солнца смеется в твоих волосах.
Не канючь
ни про театр, ни про интернет,
пожимая загаром плеча,
заказавши обед
на дешевой посуде с отбитой каемкой.
Прими: здесь минута длиной в полчаса,
здесь никто никуда не спешит,
а за кромкой
прибоя нет времени вовсе.
О смятии души
ты не комкай
слова, лучше просто молчи.
Пусть волна замыкает оставленный след.
За калиткою мира нет смысла в вопросе –
альбатрос про ответ на закате кричит.

(140418)

Постимпрессионизм.

Река Рона. Утонувший корабль
зацеплен лохматым канатом
за корму и притянут к причалу.
Сентябрь
погоняет туристов дождем из ваты
облаков, кое-где, нечаянно,
обшитой солнцем по кромке.
Городок Арль
в бесконечной печали
по Винсенту, заполнен коммерцией
из памятников его полотнам.
Остальное – обломки
Рима. Когда-то стоившие сестерции,
сегодня бесценны, судя по толпам,
их обступившим плотно.

Сувенирная лавка.
Остов Европы,
обираемый на продажу,
помещен в рамку
природы вдоль горной дороги к пляжу,
где постоянны: цвет воды
в Колюрской бухте под скалой замка,
чаек восходящий крик,
укрававших
недоеденное рагу,
Трамонтана, причесывающая сады
ветра гребнем,
чтобы утром снег, запудривший Канигу,
сверкал, как масштабный штрих
на времени,
заодно заматая его следы.

(190817)

покой и красота – гармонии богатства

Язычество

С наростом лет – всё больше часть природы –
отнюдь не гордый покоритель,
а холод непогоды
принимает, потуже запахнувшись в плащ,
уже немерзнувшим героем.
Как отстраненный зритель
замечаешь – величина усилий
в настоящей
точке их приложения невелика –
эффект разителен.
Невыносимо
лишь отсутствие комфорта.

Однако в паре: хорошо или красиво –
гораздо привлекательней второе.
Так что замри в прекрасном, не испортив
его движеньем, чтоб наверняка
запомнить всё, что видимо напротив,
стань частью, вслушайся в века.

Что портик
греческий, коринфская колонна,
когда секвойя им по времени ровня,
а кроной
хвои всё ещё от солнца защищает?
С наростом лет развертывание дня
берет разгон.
Условность времени тем предвещает
его отсутствие в дальнейшей
перспективе, где всё на кон,
который, проиграв, закончишь вещью.

Отняв
от жизни всё, что в ней не удалось,
получишь детство,
морозный воздух, обжигающий насквозь,
а вместо
нажитого – мечты о нём.

Так плещет
на закате океан,
шумит листва, блестит ледник в долине.
Карман
природы не бывает в нищете.
Видать, туда настала осень собираться.
Покой и красота – гармонии богатства
неистлевающих вещей.

(090818)

Февральская пауза

Уже пора заколачивать гвоздь.
Песни спеты. Осталось откланяться, не споткнувшись,
выпрямиться во весь рост
и выйти. Все, что было стоящего,
в промелькнувшей
уже случилось. Прошное больше будущего.
Вопрос
только «когда» и, конечно, «как»,
моя дорогая.
Ну а пока поделимся пирогами
с внуками. Пусть учатся выковыривать из них мак.

К третьему поколению имена непрямых потомков
с трудом раскладываются однозначно по их поголовью.
Перегруженные любовью
взгляды постарелых друзей выхватывают из пейзажа
лишь картинки
с игрушками. Руки щелкают телефоном,
свободным от фотопленок,
а уши безжалостно
отмечают все, что ни прибывает, визжа
на звуковой волне с амплитудой обиды.
Бабушку, которая собой еще хороша,
более интересует цвет пеленок,
чем дедушкино либидо.

Потроша
себя на части в детское сущее,
не побежать за иллюзией,
маячащей, как уходящий корабль
над горизонтом, как союзная
связка еще непрожитого сюжета с текущим.
Не лучше ль
в отличное время (здесь это февраль)
запуститься со склона
крутого, как бездна идущая вниз под гондолой
подъемника? Такая пора,
чтобы лыж параллельных форель
в потоках пушистого снега
неслась под тобой окрылено.
Так чего же ты медлишь? Айда, без разбега.

(190217)

Перекресток

Разбегается век. Кончается
Эпоха, вошедшая в книжки
под городской застройкой.
Наркоман-ветеран на углу
у водителей клянчит на вечер.
Качается
солнечный зайчик на крышке
помойки.
Проезжают повозки уже ни к двору, ни к колу,
лишь по найму, и то недалече.
По акценту в услышанной речи –
видать воронье.
По коробке от редких таблеток –
узнать неудачу.
За рулем повидавшего виды «рено»
едут в школу
нимфетки.
О тебе ли судачат?
Ты пешком,
потому что точнее вдоль времени шагом.
Колесо и крыло не умеют прибыть невпопад.
Но очнется «айпад».
Из заоблачных сфер
сообщенье стежком
прошивает, как скрепка бумагу.
И опять запускаются ритм и размер.

(170318)

Круги на воде

В этом году магнолия
цвела с декабря по апрель.
Количество влаги пролитой
превысило размеры памяти старожил.
Даже удивился компьютер.
На соседнем поле,
которое никак не продается,
развелись зайцы, вырос хмель,
и воют шакалы – понятно, далее про поджилки.

Мои, в целом, все проживают в уюте.
Торговля продолжает переминаясь
с ноги на ногу,
что менее беспокоит, чем дети.
Они, как прутья
деревя, пока не зацветут, не выходят в люди.

Кстати, о людях – любимый аспарегус
подорожал.
Видимо, фермеры не в согласии с дождями.
А может быть, правитель, что раздражал,
ушел в отставку.
Население района пестрит бомжами
и оленями. И те, и другие предпочитают травку.

Читая звуки, глазами вместо ушей внемля,
принимаясь, что распашные весла забот
не оставляют времени для общения «тет-а-тет»,
разве что в письмах.
Если человек – это вода, пролитая на землю,
тогда наоборот,
следуя сущности, а не породе,
в этот раз
мы попадем на небо из здешних тенет
методом испарения в выси.
Круговорот воды в природе.
Природоведение. Первый класс.

Я прольюсь дождем на твои тюльпаны,
розы, чью-то магнолию.
Где были бурьяны,
в марте вдруг зацветет сирень.
Потеря перестанет заходиться болью,
будоражить шрамы.
И только низкое небо вызовет у тебя мигрень.

Нельзя общаться, не задавая вопросы
и не раздумывая над ответом,
что в формате цветов, ведущих свой разговор
с памятью
того убежавшего лета,
когда ты еще носила длинные волосы
под стать водопадам в ущельях гор.
Отстаивать
свою точку зрения никогда не поздно.
Вода точит камень, определяя единицу времени,
как величину исчезающей массы просто
между двумя наблюдениями.

(190317)

Живопись

Я пишу твои руки,
и чернила бросает в жар.
Зарубки
на памяти – кляксы коротких встреч –
оттеняют черты лица.
Математически бесконечный,
но ограниченный земной шар,
хранит наши тени образца
прошедшего века.

За концом перешейка
из черного снега
между весенних луж
город дребезжит вдогонку: «не уезжай»
трамваем на конечном кольце
у метро.
Развернувшись,
еще можно до него добежать.

Еще.. Оказалось, что кедровые
лапы не задерживают кружево
солнечных змей.
Они всё равно слепят. Я пишу твои волосы,
и ветер выкручивает из пальцев
мое перо,
и чем далее, тем больше приходится на него нажимать.

Здесь, размечен на полосы,
в перспективу точки идет фривей.
По нему поспешить и добраться
до въезда в домашний рай.
Там давно решено всё, что надо ещё решать.
И оттуда ровней
поверхность кажется, оборачиваясь назад.
Но обману зрения не доверяй.

Чуден сад,
что в конце лишений
явил приют.
Я дышу
размеренной океанской волной,
на которой, раскинувшись, спишь.
Я пишу
твои плечи, изгиб шеи,
но набегающие одна за одной
брызгами размывают
бумагу времени, покрывая
седыми хлопьями тень твою.

(270817)

Времена Года

Ветер меня разбавляет водой из неба.
Нечего и подумать, что соберусь и встану.
Зимний сезон, где всё, что не бело, –
чёрно.
Контрастные краски. Природа – и та устала.
Кристаллы
кружащего снега под ветер и холод
четко
Выстраиваются в сугробы, как на парад
приветствий.
Из чрева застывшего мира, кто как придется,
под дрожь, в мурашках,
слова, сотворенные ночью,
выходят голы.
Кривая живого, резко
набравши
скорость, проходит начало координат
и вновь плетется.

До самых мочек
ушей закутываясь, приходится одеваться
во что попало,
Отваживаясь
выйти в люди.
Полночь –
никак не в двенадцать.
А то ли часы врут, то ли
вообще неважно.
Тьма – безразмерное одеяло.
В студенъ
превращается тело,
Его форма более не сохраняема.
Отчаянно хочется спать
бесконечный срок.
Это зима в отметках мела
на волосах любимой,
это несмелый
взгляд назад, как учили летать
прошлой весной – все кто мог.
Как разбегаться и, подпрыгивая, скользить.
Я больно разбивал лоб,
коленки, ломал ребра,

но научился лишь не тонуть в грязи,
да как, вылезши в темноте, смотря в оба,
начинать опять.

Позже, к лету, уверенно стал ходить.
С тех пор так пешком
и живу.
Нить
неторопливых маршрутов
протянулась стежком
неровным там, где не круто.
Например, пронося кульки
бережком
осторожных дней
по-над проймой сухой реки
(дорога безопаснее, когда вода не течет по ней).

Со временем, к осени,
постепенно к холодам привыкая,
я легко проходил по пройме
с грузом, тянущим профиль плеча,
рукой помогая
держат равновесие на осыпи,
где нет ничего, кроме
усталых дней.
Мне встречались люди, навязывались.
Только вот в русле ручья
нет необкатанных камней.
Много поскальзывался,
сбивался с поступи,
давая дорогу -
всё же острым ситуациям предпочтительнее ничья.
Главное – поспевать к сроку.
Главное – не выходить за рамки.
Можно от обиды надувать губы,
но сдерживаться и не кричать,
если с тобой грубы.
Так, вспениваясь,
летняя гроза вдруг затопляет ямки.
Вода впитается. Я пробовал прощать,
и вот мечусь нетвердой
песенкой труб
по джазу жизни – кто его задумал?

Кто? Потому что этой зимой
мне опять снился город,
в котором я не был вечность.
Большие дома и небольшой мой.
Улицы резкий крен.
Пешеходы, спешащие куда-то
через морось,
в короткий световой день.
Я ждал тебя под буквой «М».
В те встречи
мне запомнилась заплата
на твоём пальто,
Да долгий вечер,
что был как поросль
весны-травы, и вне сезона.
Сонные,
мы потом
Выползали в мир.
Восходила луна над крышами,
над лесом из необитаемых квартир,
что обступил нашу поляну
и шумел клаксонами
авто.
И не было ничего тише
твоего дыхания, ненаглядная.
Кофта,
(ничего кроме),
наброшенная прямо на кожу,
промокла и прилипла.
От сырости была неумная дрожь,
когда мы курили «филиппа-
мориса» на балконе.
Этот город мне никогда не снится летом,
но всегда в ознобе от сплошь
чавкающей слякоти
кругом,
особенно вдоль набережной серой речки.
Или моя память, покрытая белым налетом,
не удерживает ничего, кроме этого?
Да ещё света - пламя свечек
в мяготи
над праздничным пирогом.

И нет очевиднее загаданного желания.
Оно про бабье лето.
Оно про отражение
твоего счастья в моём,
когда уже ничего не надо.

Это осень, если запоминаешь не лица,
а только прощание.

По ещё мокрой траве, лугом,
мы наконец-то бежим бегом
за мечтой – ланью.
И это скольжение -
почти полет над землей, потому и круглой,
чтобы на нее бесконечно падать и падать.
И никогда не разбиться.

(01-02 2018)

Горизонт

Осталось некрасиво постареть,
желания упаковать в бессилье,
пересмотреть
фотоальбомы, стиль
одежды, что носили
и ту, что далее носить, пересмотреть.
Давно не треть,
давно за половину –
статистика отсчитывает срок.
Что раньше брал и делал –
ломит спину,
не впрок
еда. Да, это времени симптомы –
оброк
стригущего с пространства тела
болями, легкостью походки,
взглядом незнакомых
дев, скользящим мимо.
Осталось, меньшего прося,
умело
поменять привычки, кротко
жизнь жизни в жертву принося.
Осталось – в маске грима –
придумывать капризы быть у дел,
незримо
двигать грани компромисса.
Уйти и не почувствовать предел.

(091218)

Закат

Есть день в сезоне, вставленный особо
в цепочку дней, идущих до и после.
По обе стороны заботы, неотложные
столь строго,
что мысли о другом и вовсе
невозможны.
Но день уже плывет неторопливо.
Он дан, чтоб слушать красоту гармоний,
чтоб не грустить о той, быстротекущей,
он вносит с медленным приливом
аммониевый
запах водорослей, и этот запах глушит,
разрушив время до его начала.

Покинуто компьютерное кресло.
Оставлены тревожные события
без вниманья. Всё замолчало.
Я ли та отчаянная
белка, застывшая в зените
поворота? Я человек или оркестр?
Кутить на все,
чтоб, отразившись от небес,
земли коснувшись, став вторичным, став бездушным,
стыть в суетливом колесе?

Сказать честнее,
чаек беспокоит только рыба,
в подплечья скал вносимая прибором.
А мне дарован день – живу его, прощенный,
и проживаю напрочь как задаток,
чтобы следить за красной глыбой,
медленно влекомой на закланье
на водяном щите.
И пусть пока в моем кармане
лишь чешуя, при пересчете –
весь остаток.
Финальный такт заката в океане...
Всё умолкает в нищете.

(301018)

Эмигрантская элегия

Продолжительность жизни прожитой «без»
сравнялась с частью прожитой «с».
Лес средней полосы
сменился горной тайгой.
Дорога домой
предполагает трезвое управление автомобилем
и постепенную перемену мест,
а не магию перехода на грешную с небес,
при котором, к счастью, никому ничего не набили.
Вещи, те что в обрез
не хватало,
наконец пришли, потеряв ценность.
Желание перетаскивать одеяло
на себя прошло, желание стоять на сцене
тоже прошло.
Найти кого-то укутать потеплее от сплетенья
и выше, лишь бы ничего не выпирало,
и пойти в парк пешком.

Наличие двух обитателей в одном теле
всё незаметнее. Неразделённое с аборигенами детство
не влияет на экономику.
Вместо
раннего неумения – профессионализм, где в пределе
по времени – деньги, рутина и какая-то хроника,
если со стороны всмотреться.

Над разговорами всё реже витают эхом
восток и запад.
И пусть там от Красной площади
пролегла колея красного трамвая.
Без помехи
она заканчивает маршрут тут, где не проще
жить, но где, в большинстве,
подольше не умирают.
Как выпелы, реющие на шесте,
есть победы, есть решения,
за которые не осудят.

Их теперь наблюдаешь с краю,
в масштабе времени, неторопливо, как повар,
помешивая плов, пока на эти достижения
сверху улыбается прелестная Ника.
Мы, в общем-то, культурные люди,
невзирая на то, что доллар –
идол, которому в жертву принесена Книга.

(201118)

Кристофер Mayflower

Переход через океан закончился засевом кладбища,
континент завоёван.

В молебне пахнет ёлка, а не елей,
но даже

это – ещё не конец пути,
как и ребёнок, что зарёван
и мал ещё;

как и построенный дом
из разобранных кораблей.

Всё не в счёт,
пока памяти
зареву бликует на настоящем.

Пока полчища
одиноких минут, плечом в плечо,
подпирают молчания
ком.

Пока непривычное
отсутствие качания
под ногами – надежда, что сложенное знание
превысит всё вычтенное личное.

Покуда тишина непонимания
звучит набатом,
постараться позабыть Беатрису,

Зычно
приветствуя индейцев,
планировать переход обратно.

Задохнуться табачным дымом трубки мира,
запить виски.

Эмигрантское клише:
страх голода, разлука с близкими,
боязнь неправильно одеться,
квартира –
топология, отчасти
живущая в коробках
почты. Теперь привычкой на душе
то, что казалось ранее несчастьем.

Но робко
мысль из тишины, пока еще в боязни слога,
пока без звука, может статья –
приплыли, все-таки вот синагога.
Теперь уже закончен переход,
и проклята Испания лет на пятьсот
вперед.

(310518)

1990

Голубая пора Сан Франциско.
Квартал педерастов.
Здесь без риска
гуляют девчонки и низкий
туман.
Тут по швам
полинявшая краска,
покрывает трамвай,
что чуток не доходит залива у порта.
Дальше край,
где без смысла
протянулись на вырост
причальные пирсы.
Там крикливые львы
клянчат рьяно
съестное хоть что-то,
Лишь на траверсе мыса
заходящая нота
розовеет, увы,
без обмана.

(1990-2017)

иллюзия перемещения

Ever After ¹

Дни выстроились по росту
и формой входят в механическую шкатулку.
Редко видимся, выбегая с занятий по звонку перемены.
Просто
так смеемся, подслушав шутку,
ту, ровесницу Ойкумены.
Наши колени,
наполненные артритом, болят на спуске,
уходящем, пока не круто, в долину
(что на её дне – здесь известно),
и это грустно. А я не хочу о грустном.
А хочу по пляжу верхом или по длинному
склону на лыжах, сквозь перелески,
перепрыгивая сугробы,
что намело нам,
пока отвлекались на то, что пресно.
Хочу по-детски
держат за руку, краснеть, целуя,
только мы крутолобы.
Мы придумали время, и оно теперь дует
непрестанно.

Так что мир давно похож
на разбросанный костер,
угасающий по разным странам.
Так краснеют очаги
там и здесь. Остальное – сплошь
неосвященный простор,
и в нём – ни зги,
а уж повстречать человека –
забудь.
Всё равно не распознаешь. Чародейка -
ночь давно превратила путь
в метания
по светлячкам Америк, Азии, Европы.
Остаются обмены книжками, предания
интернета, которым не веришь,
потому, как опровергают опыт.

¹. Ever after - и жили они долго и счастливо

А редкие уже позывы к речи
не побуждают вставать на подиум,
помогать сказкам, вышедшим в потери
вслед за уплывшими детьми.
Если куда-либо и приходится идти,
то теперь выбираться из дома легче,
когда отсутствие тени подтверждает полдень.

И все-таки вышел. Трава,
проросшая в щели между камнями,
дорожки из желтого кирпича.
Слова
граффити – цветным слоем
по изгороди между краями.
В дрожи волн под ветром – поле
с восходящим маком,
где в земле встречаются кости тигра.
Волшебниц нет. Обманщик улетел. Оплакан.
В результате игр
между добром и злом – ничья.
И жители ко всему привыкли.

Мы бежим, и только движением и хранимы
от потери равновесия. Так кружение
волчком
имеет целью не в рост вытянуться,
а всего лишь способ не лежать ничком.
Это ли достижение –
медленно угасать в Иерусалиме,
в доме для престарелых, потеряв зрение,
где быстрота горения
событий пропорциональна шагам зрителя
этажа?

Да было б хорошо, от куража
устав, с добротной книгой в руках,
под солнцем лампочки, в своей берлоге,
на раз уйти в чертоги,
где только свет, и нет понятия «впотьмах».
Записка в блоге
выжившей супруги, друзьям досадно.
Кто-то молча пьет,
приняв по факту: все рожденные – калеки.

Но нет, ничто так не убьет,
не ухайдакает внезапно.
В этом веке
скорей придется по линейке,
что создалась
из нумерованных лекарств,
протопать сквозь болезнь.
Живу, уже отправленный на казнь,
на перспективу полного молчанья,
в кругу любимых, послезавтра –
под приговор любезного врача.
Покуда ж есмь,
то тесен
срок, отпущенный на слово «до свиданья»
в значении заветного «прощай».

Пока я есмь
(плюс-минус где-то полчаса),
я прислонюсь к секвойе,
чтобы услышать запах тысяч лет.
Мгновение застынет, обезволив.
Не хватит рук в попытке ствол обнять,
как жить не хватит века.
Лишь белка, словно тать,
бегущая по веткам,
ни разу не ступив на землю,
незавершенное движение оставит,
как не услышанную весть.
Всё недоделанное только лишь и есть,
что в смерти не приемлю,
а так она пусть правит.

(030418)

★ ★ ★

Мы спорим о птицах,
как будто свобода – синоним полета.
Помню, трамвай мерзлым утром везет на работу
мою повседневную тень,
чтоб вечером темным обратно вернуть.
И жизнь утекает меж пальцев. Меняются лица.
На завтра отложено счастье. Оно непременно случится.
Чуток пережди дребедень,
потом позабудь.

Не кончается вальс,
лишь природа сменяет мгновенья.
Вот рождается Слово, встает с колыбели и курит в окно.
Собираются гости. На раз
На столе накрывают соленья,
и, кажется, больше другого уже не дано.

От снов
разноцветных к эпохе помятых бессонниц
по ветру вращается лист, представляя, что путь выбирает.
Его дерево сохнет,
да служат мишенью
для молний залысины кроны.
И кто его знает?
Он счастлив короткий отрезок движения,
что делит с вороной.

(080418)

Апостол

1.

Спасибо Тебе. Иногда поднимаешь к груди,
чтоб посмотреть Твоим взором,
куда разрешает душа.
И увидеть не то, что ещё впереди, –
с этим ясно, –
а без спора
пытаться принять Твою руку,
в движение карандаша,
в ней зажатого.
Чтоб в отсутствии звука,
этот в частном
заложенный смысл согревал, а не жёг.
Чтобы не было жарко,
на коротенький миг
ощущая до рези в глазах
Твой пронзительный свет.
Благодарность, что я, не сорвавшись на крик,
пережил этот шок.
Да за то, что сумел унести, Ты не наказал.

Только нет,
не на землю смотрел я – она не жива.
Ослепил меня сад колосющихся душ.
Это чушь.
Конечно же, полная чушь.
Только странные в горле застряли слова.

(080917)

2.

Мне не хватает чистоты,
чтоб над водой скользить легко.
Мне не хватает простоты,
чтоб получались чудеса.
Я состою из пустоты
над отраженьем суеты,
и вся
дорога под наклон
с момента школьного листа.
Как хамелеон,
всегда в тени,
не нарушающий основ,
не преступающий за нить
из паутины верных слов.

Ну что, пытаться осязать
первичного творенья ствол?
Но как часам пойти назад?
Начать откуда?
Частицы душ в одну связать,
чтоб вместо чуда
видеть естество.

(061018)

Очищение

Я пробовал торговать подаренным,
подслушанным из высокой
гармонии. Чтоб вволю
гордыня тешилась признанием у толпы.
На лбу проступала испарина
нервно-дрожащей проволокой,
когда обнажал без толку
отпущенные мне истины,
что болью
обрамлены.

И всё-таки не бессмысленно.
Когда пришло огорчение,
то мудрость вошла с принятием,
что жизнь прибывает оземь,
касаясь судьбы с размаху.
Подняться, оправить платье
и после
вниз по течению
вплыть в шебуршащую осень,
не поддаваясь страху.

Там задержаться в доме,
куда заведет нечаянно,
наверное, провидение,
а может, какая рука.
Услыхать, как покой
приходит строкой,
не имеющей тени,
и как всё мельчает,
кроме
застывшего на века.

(250817)

Колыбельная

Ну что ты дрожишь, мой лисенок?
Страх и холод проходят.
Ты не бойся казаться несмелым.
В эту длинную ночь, когда снега сезон,
надо жить аккуратно,
чтобы рыжим на белом
не бросаться в глаза.
Тебе рано
ещё умирать на охоте.
Ты лиса.
Проникая в сезам,
не рискуй понапрасну
и следы заметай, не жалея хвоста,
в петушином гареме.
Это глупо – погибнуть в прологе
к собственной сказке.
Что зима? –
только темное время,
когда нарождаются ложные боги.
Здесь поэтому местность пуста,
что им нужно пространство.
Здесь сугробы блестят
для их роста и игрищ.
Как потешные спички,
наигравшись они прогорят.
Всё растает и схлынет, ты увидишь,
как подруга лисичка
подарит тебе постоянство.

(171217)

Freeway

Мы пели, мы пили крепкое.
Мы махали нашим будущим жёнам
ручками еще не рожденных первенцев.
Казались себе прожжёнными,
предпочитая сладкому терпкое.
И мир ещё не видал таких классных перцев.

Лишённые
чего-то, чего никогда не знали,
но чувствуя, куда всё катится,
толкали стенки
и за них легко выходили,
поднимая сшитое из салфетки
наспех зная.
Приключения на задницу
находили
в тайге, в горах, на порогах рек.
Куда только не заносило братию.
С тех пор навсегда предпочли объятие
за плечи
просто рукопожатию.
Так оно понадёжнее,
удержать получится.
Теперь под вечер,
на выдохе у сегодня, под одеждами
на заказ ли, по случаю,
мы отрицаем время под сеткой морщин.
Не видим ни седой бороды,
ни живота под свитером.
В глубине лощины
рябью на поверхности воды –
ползущие по ней от берега титры:
роли исполняли и не дублировали
мальчики, не выросшие в мужчин.

Вывранные
из места, которого больше нет,
Рассаженные по планете
второй жизнью – а кто садовник?
Я угадываю зачем, но, даже получив ответ,
не понимаю ни бельмеса.

В поисках смысла, истово
можно танцевать со смертью.
Сегодня она в платье формы отвеса,
и горизонт её интереса –
это продёрнутая в отверстие
крюка верёвка, уходящая в круговерть
неба, в котором парит
хищная птица, а над ней шпарит
солнце, нагревая сходящий на нет арет
стены.

Риск уже не бессмысленнен,
ибо на выдохе первой сотни лет –
смерть – единственная,
кто ещё удовлетворит,
а не просто покажет сны.

Мы пытаемся жить в потомстве -
мы с ними запанибрата.
Играем и качаемся на качелях.
Только и разница – наличие кошелька,
позволяющая прежде, чем забросить обратно
сеть желаний, вынутую для знакомства,
обнаружить непокупные цели.
Остальное – движение по сторонам квадрата,
похожее на орбитальное – мотылька.

Эта иллюзия перемещения,
возвращающего в ту же точку, откуда начал,
отменяет необходимость измерять время
чем либо, кроме количества прощенья,
иначе,
существование – это лемех
быта, вызывающий отвращение.

Я танцую со смертью.
Сегодня она в платье из пены порога.
Белая пачка балерины намотана на весло.
Глубина её надежды –
удержу ли я строго
середину струи между тверди
камней и, назло
гидравлике, проберусь к пляжу,
поклажу
не утопив. Считаем, что повезло.

Считаем, что живешь, и пока молод,
то есть не надо думать, что будут делать дети,
когда тебя не станет.

Я танцую со смертью.
И кто первый из нас
перестанет
нажимать на газ,
стремясь
туда, где полотно дороги
у кромки неба блестит серебром воды?
Спереди, на капоте,
пустота наивысшей плотности,
но если поделить строго
пройденное расстояние на интервал-час,
то величина скорости
противоречит природе.
Бессмертные, мы не оставляем следы.

(271117)

Одиссей

Ты отсутствовал долго. Здесь всё по-другому.
К власти пришел твой соперник.
Женщину, что полюбил без взаимности,
продали в рабство.
Теперь уже к дому,
в котором ты жил, не пробраться
сквозь слякоть, терновник
и заросли жимолости.
(Мы ей заедали с тобой перегар сигареты,
чтоб потом обниматься
с уставшею мамой, пришедшей с работы.)
Разве только короткое лето
и сохранилось.
Но даже оно стало как-то короче
и уж точно
прохладней. Ну что ты
молчишь, что ты смотришь под ноги?
Здесь чисто. Убиты бездомные псы,
пока тебя не было. Ты в немодной сорочке,
одет иностранцем. Не «блоки» –
«кварталы». Иногда не понять. Перестань.
Так теряют язык,
в окончаниях буквы меняя местами.
Ты был слишком свободен для этого мира.
Зачем ты вернулся? Листы
размышлений?
Кто умеет читать, их найдет в интернете.
Твой шаг по планете
тяжел. За тобой асфальтировать дыры –
расходы! Послушай, решение
твое появиться сегодня, сейчас – запоздало.
Ни общего нет, ни надежды, что будешь услышан.
Нас что-то сломало.
В краю караульных постов
архитектор умело лишь ниши
бойниц для красоты облицует.
А так, на плечах здесь не носят крестов,
здесь их только целуют.
Это легче, пойми, пускай в никуда – всё же путь.
Так что лучше не майся,
уйди. Отрешишься и прими. Потом позабудь,
постарайся.

(210418)

Глина

Вот так и не вырос –
уже уменьшаюсь обратно.
Стал ростом короче,
чем годы назад, что поделать?
К девчонке красивой уже не на выстрел.
Глаза без очков
различают лишь пятна
от лиц на пределе
длины узнавания,
а все, что ещё привлекает снаружи,
так это слова с их заявкой на мысль,
на раскрытие тайны.
Только смотришь не ввысь,
а под ноги, по кружеву
луж пробегаю на грани
баланса и всплеска.
То, что прежде казалось так резко,
теперь заместилось. Края подрамыло.
Кубизм продолжения
ни формой, ни цветом не режет глаза.
Пожалуй, всё было.
Когда лишь оттенки картинок движения
ещё интересны в своем мельтешении,
то уже не водитель.
Сиди и терпи, ощущай оборот колеса
на трясуем сиденье. И мнительно,
может, крути головой, пребывая в испуге.
Вспоминай молча всех, с кем давеча руки,
уходя, пожимали,
а сегодня – вдруг ребе, поминки
и далее.

В утешение дадено:
оборотная сторона мира –
фотоснимки,
в записи звуки,
мегабайты оцифрованной памяти.
Если мы не уходим в черные дыры,
а, как сказано, переходим из глины в глину,
то информации никогда не сгинуть,
как и ничего в ней не исправить.

(210418)

Поэзия

Язык – тюрьма моя. Не выйти.
 И ни подкуп, ни подкуп не возможны.
 Марионетка в предложений нитях –
 опутан ложью.
 Покрытый потом,
 по непроложенной
 тропе
 к вершине Истины иду, бренча
 словами,
 под клёкот
 времени, точнее, под припев.
 Но под ногами –
 лишь песок, и редко – звука камень.
 Как шторм в причал,
 бьюсь бешеным прибоем
 о скалы сути волнами бегущих фраз
 на брызг бессонниц. И рукой слепую
 вычерчиваю вязь
 иллюзий.
 Но беспокойным ливнем текста водосток,
 кружась,
 впадает в Лету.
 Рукою заскорузлой,
 мгновеньем света,
 баланду слога шваркнут на листок.
 Пожизнен срок.
 Я оставляю меты
 на стенах словосочетаний -
 сам не Слово. Из начертаний
 только нить мечтаний –
 вот всё, что смог.

(240618)

Пророк

Дождь в рождество. За тучами звезды не увидеть,
ни света от неё тем боле.

Наверное, мы спасены.

Живем на воле

который год. Уютная кровать,

красавица на должности жены,

по роли –

вкусный ужин.

Декабрь плужит

полосы дождя по мостовой и душит

водостоки.

Дощатый домик старенькой постройки,

входная дверь не заперта.

Младенец, мать.

Всё, как тогда.

Но кто он? Сдюжит

ли? Быть может, просто счастье,

деньги, дети, смерть

в больнице?

Земная твердь –

сегодня хлябь.

И достоверно – лишь ребенок, мальчик,

длинные ресницы.

Пока без имени. Пока не плачет.

Я в день восьмой зайду на обрезанье.

Да наплевать,

что не видать ни зги.

По факту, совпадают числа, время, здание.

Само событие вопреки

природе. Хотя про непорочность

есть сомнение.

А впрочем,

нету разницы – страданье, искупление

не обязательны. Звезда висит на месте,

вот разойдутся тучи,

хлынет свет.

Рожден пророк один на поколение,

как детям нам, на всякий случай,

на билет.

(261218)

музыка формы

МУЗЫКА ФОРМЫ

Сначала была силлаботоника, потом она стала разламываться на части, перебиваться бульканьем, клокотаньем, потом пришел свой поэтический стиль, голос, а потом уже оформилось направление, в котором, как выяснилось позже, писали, пишут и могут писать многие. Я назвал эту форму стихосложения «джаз-поэзия».

Джаз-стих – это рифмованный стих, не имеющий постоянного размера, но в отличие от свободного стиха или дольника имеющий рифмы, часто множественные, расположенные вдоль текста таким образом, что создается общее впечатление цельного произведения, где мелодия слов переплетается с текстом, дополняя его до общей формы и единого фокуса. Читать произведения, написанные в стиле «джаз-поэзии», лучше всего, произнося слова (хотя бы и про себя). Естественно, что такая форма стиха существует только в тех национальных поэзиях, где есть понятие рифмы и размера.

Насколько мне известно, в русской поэзии джаз-стих появился в XX веке, с ним экспериментировали разные авторы, не определяя его строго как отдельную форму. Из-за исторических причин (многие произведения не проходили советской цензуры) мало что сохранилось сегодня. Тем не менее то, что было открыто один раз, будет обязательно открыто снова. Я выделил «джаз-стих» в отдельный стиль еще в 1987-м, а в 2013-м формализовал его в манифесте «джаз-поэзии».

На сегодня с момента написания «Манифеста Джаз-поэзии» прошло пять лет, так что настало время сделать небольшие уточнения. Не хочу сказать, что «Манифест» устарел, нет, скорее, стиль «джаз-поэзии» развился, перешел на новый уровень, повзрослел и требует более строгой формализации. В пространстве, там, где раньше не было никого, кроме редких, случайно оступившихся в джаз классиков, теперь встречаются другие путешественники. Я обнаруживаю джазовые проходы у разных авторов, используемые более интуитивно, через талант, нежели сознательно направленные на несение дополнительного смысла через мелодию. Так или

эдак, если форма стихосложения развивается, если ею пользуются, то она прижилась.

«Джаз-поэзия», как и «джаз-музыка», являются идеальным инструментом для описания, инструментом, точно передающим настроение автора, наблюдателя или участника поэтического сюжета. Не случайно, когда речь идет в стихе о передаче настроения, о создании «мизансцены» перед переходом к «основному действию», то звучит джаз.

Посмотрим у классиков. Например, В. Маяковский (разбивка на строчки не авторская, я переписал разбивку строчек под джаз). Вот фрагмент из «Скрипка и немножко нервно»:

*Скрипка издержалась, **упрашивая**,
и вдруг разревелась так по-детски,
что барабан не **выдержал**:
«Хорошо, хорошо, хорошо!»
А сам устал, не дослушал скрипкиной **речи**,
шмыгнул на горящий Кузнецкий
и ушел.
Оркестр чужо
смотрел, как выплакивалась скрипка
(В. Маяковский)*

Сто лет спустя и барабан слышен, и типичная для «джаз-поэзии» избыточность рифм, ведущая мелодию, и передача настроения. Девять рифм в девяти строчках! («речи» - джазовая вариация).

Или вот, например, у современников, самое начало «Осенней сонаты» (фрагмент из книги «Спецхран» А. Грицмана) – позволю себе переписать джазом (рифмы выделены, разбивка строк также моя, джазовая):

*«Челси» – «Манчестер Юнайтед».
Он – на угловом диване: курица из супермаркета
Картофельный салат
Немецкий, с горчицей «Heinrken light»
(А. Грицман)*

Вот она – мизансцена, крупные мазки палитры, определяющее полотно для зрителя. «Супермаркет» никак не прямая рифма к «light» (для этого есть «Юнайтед»), но

если цепочку выстроить в другой последовательности:
«Супермаркет – салат – Юнайтед – light» – то это типичная джазовая мутация рифм.

Едем дальше – Бродский (разбивка строчек опять моя):

*Веко подергивается. Изо рта
Вырывается тишина. Европейские города
Настигают друг друга на станциях. Запах мыла
Выдает обитателю джунглей приближающегося врага.
Там, где ступила
Твоя нога,
Возникают белые пятна на карте мира.*
(И. Бродский)

Я не случайно выделил «врага» двумя «цветами» сразу – мастер, безусловно, слышал, что эта рифма связывает как с «города», так и с «нога», и интуитивно использовал в обе стороны. Как видим, и более поздние классики тоже не чуждались джаза, хотя и обертывали его в привычную уху силлаботонику (когда-то всё же печатать?).

Тут уместно отступить и прошу прощения, ругнуть книгопечатание. Дело вот в чем. «Джаз-поэзия» звучать с листа не умеет. То есть полностью не умеет. Так, как скажем, может силлаботоника – форма размерная. Привычный для уха размерный стих с первого, ну со второго прочтения, укладывается в ритм и в повторяющуюся мелодию взлетов и падений звука, ударных слогов и акцентов. Он завораживает регулярным ритмом, размеренным боем, а потом вдруг выбрасывает в пропасть поэтического откровения. Напечатанный на бумаге, силлаботанический стих может быть прочтен «про себя», он не требует исполнения, а если захочется, то каждый его может исполнить. Не говорю – хорошо или плохо, но каждый читатель может. И может сразу. И он зазвучит. Если не для слушателя, то уж точно для читателя, и зазвучит неплохо.

«Джаз-стих», с другой стороны, требует прочтения с огласовкой. Иногда не с первого и не со второго раза. Более того, прочтение от прочтения может варьироваться. Так же как и при исполнении блюза, даже записанного нотами, джазовый музыкант делает проходы, модуляции мелодии,

которых в нотной записи и нет вовсе, так же и джаз-стих может иметь несколько исполнений. Когда музыка произведения участвует в смысле стихотворения на правах с «буквальной», то есть буквенной, сутью слов, то всё произведение получает дополнительную глубину-ширину-размерность. Те самые дополнительные слои, которые-то и заставляют нас обращаться к удачному, резонирующему с нами, стихотворению снова и снова.

Книгопечатание производит только молчаливый носитель информации – книгу. Этот носитель (media) подходит для силлаботонического стиха лучше, чем для верлибра (хотя и верлибр лучше исполнять), и совсем плох для «джаз-поэзии». Если только читатель не имеет музыкального уха. К счастью, на дворе XXI век, и мы умеем печатать и распространять записи в виде ссылок (links), а книга, перемещенная на «электронную читалку», имеет в себе звуковые фрагменты прямо по тексту. Ура! Пусть читатель не поймет меня неправильно: как когда-то Гуттенберг был революционером-технологом книгопечатания, так теперь это amazon/google/apple/barns&noble и другие производители электронных устройств для книг. «Джаз-стих» теперь может поднять голову с книжной страницы.

«Джаз-поэзия», конечно, как и всякая поэтическая форма, привязана к способу мышления и не всем авторам будет комфортна. Впрочем, среди традиционных или нетрадиционных форм не всем комфортно писать амфибрахией, вольным стихом, дольником и т.п. Как известно, форма, выбранная для стихотворного произведения, должна подходить к теме, но еще более важно, чтобы она резонировала с внутренним мироустройством автора, а иначе это будет ярко блестящее искусство ради искусства, и только. Я люблю и не стесняюсь писать силлаботоникой, если этого требуют тема и дыхание.

Говоря о дыхании, мы все знаем, что поэт слышит дыхание времени, дыхание места, а не только свое собственное. Гармонии и какофонии жизни влияют друг на друга, отражаясь в стихах переборами ритма или выживая в «джаз-форме». Примерно вот так (рифмовки выделены одинаковым стилем):

Я считаю ступени, ведущие к Дюку.
Раз, два, три.
Я делаю вид, что набил себе руку,
Чтобы лихо вести удачную жизнь.
Четыре, пять.
Черноморский бриз
Завернул мои брюки,
Дышит в спину,
Не поверни.
Если придется сбежать вниз,
То тогда половину
Камней ноги сами смогут узнать.

Здесь читатель, наверное, уже заметил мутацию рифмы, «поверни» и «вниз» - никак не рифма, так же как и «три» и «жизнь» не рифма, но если перестроить цепочку в контексте мелодии: «три – жизнь -- бриз – поверни – вниз», - то всё на месте.

«Джаз-форма» (до известной степени) позволяет наполнять стихи тем смыслом, который близок читателю, вносить в них то настроение, которое он испытывает. Это – как раковины, которые можно поднести к уху и услышать море, реку, улицу или ничего не услышать.

Более сложные вариации формы «джаз-поэзии» это те, где происходит сплетение традиционных методов и форм с музыкой, что выводит на другие пласты вообще. В таких формах от читателя требуется не столько озвучивание и произнесение ритма, сколько эмоциональное принятие смысла каждого фрагмента стиха, ибо все фрагменты нанизаны на общий, единый для всего стихотворения логический вектор содержащегося в стихотворении сообщения. Это то, что делает верлибр, выстраивая поэзию вдоль одной направляющей. Также и в «джаз-поэзии», где рифмы, вначале обильные, могут под конец просто исчезать, оставляя за собой звучащую ноту. Как-то вот так:

Все, что осталось от меня,
кончается. И ненадолго хватит.
Еще два дня.
Ну, может быть, неделю.

Беда одета в старенькое **платье**.
 Ты в нем беременной носила наших *деток*.
 В *похмелье*
 жизнь наряжена всё в *то же*,
 что на *пиру*.
 К *утру*
 в глазах **тоска**,
 и я, **НИЧТОЖНЫЙ**,
 без тленья прогораю в этом **взгляде**.
 Еще **броска**
 четыре или пять *осталось*
 Раненому *т е л у*.
 Как эффективно наступает *небытие*.
 То *малость*, –
 но в твоей **тетради**
 нет места более для *нас*.
 Я подведен к *п р е д е л у*.
 Остался *час*.
 Спустя его уйдешь, и я погасну.

Здесь «небытие» и «погасну» – не срифмованы. Они просто есть и живут общим стержнем со всем стихотворением. Надо принять, что так же как и с музыкой, «джаз-поэзия» нуждается в исполнении. Я часто сталкиваюсь с непониманием, когда люди читают с листа, не услышав исполнения, и как следствие, не принимают и пропускают мимо вертикаль поэзии внутри «джаз-формы». Еще бы, ведь без этой самой неуловимой эфемерной вертикали нет поэзии.

Так же как и в традиционном музыкальном джазе, в стихотворном всегда есть внутреннее непрерывное напряжение. Здесь и тема, и смысл обрамлены звуком, проходящим насквозь. Смысловое напряжение, смысловая дорога должны присутствовать, как грифель внутри карандаша, где грифель – причина для существования, а деревянный корпус только опора, только несущая конструкция. Рассмотрим компоненты этой несущей конструкции поближе.

а) Рифмы

Данные в явном виде рифмы являются сильнейшими музыкальными связками, они определяют текущий ритм, если нужно, могут его поменять на другой, сбить размер, если надо, или добавить паузу.

Рифма используется в качестве традиционного музыкального фрагмента, она может состоять из нескольких звуков, причем эти звуки могут приходить из смежных фраз и даже из разных мест стихотворения. Например, в «Блюзе с дождем» ниже, «От нее» вместе с «Не устает» звучит вместе в рифму с «Один, вдвоем». Но полностью слышна рифма только в контексте.

В джазовом стихе необходимость рифмы обусловлена общей мелодикой стиха, его внутренним ритмом, и вовсе не обязательно должна встречаться через регулярные интервалы строчек и ударных-безударных слогов, как в силлаботонике. Рифм много, и они избыточны, но при этом они ведут мотив. Когда мелодия восходит уже в полный голос, получается интересный эффект – простые обыденные слова начинают звучать в контексте сами по себе.

Зачастую рифма проходит через несколько метаморфоз, так что начальное слово и конечное, строго говоря, уже вовсе и не рифмы, – тем не менее они звучат как один аккорд. Одна гармония. Например, в блюзе, приведенном ниже, рифмы между словами «строка» и «вальс» в силлаботоническом ее каноне, строго говоря, нет. Тем не менее посмотрим на мутацию всего ряда: «строка» → «тоска» → «рассказ» → «ваз» → «вальс»

Как видим, рифма есть только между словами каждой пары, а всё вместе выдыхает гармоничный и джазовый мотив. Но бывает и так (не в примере внизу), что рифма не нужна вовсе, ибо только струна смыслового напряжения определяет ее необходимость. Это, скорее, Нью-Орлеанский, «желудочный» джаз, чем умный джаз Нью-Йорка или Сан-Франциско. Вот «Блюз с дождем».

*Есть грусть.
но нету формы для нее.
Я научусь
веселью днем,
лишь он закончит серый круг.*

Начнусь
 из рук,
 из детских слов
 Еще не радость – запах, миг,
рванусь
 из них,
 из голосов
 Есть грусть
 и память от нее
 не устает –
 один, вдвоем.
Строка – ручьи
 Опять тоска.
 Опять ничьи
 глаза – рассказ,
 цветы, не знающие ваз.
 Три штуки, как размер на вальс, –
 оркестр – дождь
 на сцене луж
 и кружит
 лист, чернила, тушь,
 бумаги нож.
Тоска.
 и мокрый запах влет.
Пуškai!
Поет
 л у ч-саксофон и соло-свет.
 Сон т у ч,
 ветвь.

б) Мутации и вариации темы.

Тема «джаз-стиха» часто может начинаться с простого мотива. С чего-то очень очевидного. Постепенно нарастая до уровня, нужного, чтобы захватить и описать, чтобы соответствовать реальности эмоции, чувств и ситуации, о которых идет речь. Эволюция темы внутри «джаз-стиха» видна в появлении объёмности содержания. Так же как и в «джаз-мелодии», где тема флуктуирует, проходя нитью, мотивом через всё произведение, в стихотворном варианте смысловое сообщение будет обрастать разными слоями по

мере того, как музыка слов и рифм будет мутировать и наращивать эмоцию.

«Джаз-поэзия» позволяет вариации (импровизации), как и привычный музыкальный джаз. Главное, в традиционном музыкальном джазе - это эмоциональная точность. Если вариация сохраняет общую эмоцию, то она приветствуется. В поэтическом варианте в «джаз-поэзии» также важна эта смысловая, событийная и содержательная точность. Если вариация меняет слово или предложение с одного на другое без разрушения, то она возможна. Особенно, если импровизация дополняет содержание. Конкретное слово – это всего лишь инструмент и не более, мозаика словосочетаний плюс внутренняя музыка выводят на некий следующий уровень смысла, туда, где открываются его новые пласты. Хорошие вариации делать сложно – можно легко разломать. Поэтому отношение к точности смысла слова в «джаз-стихе», конечно же, не менее требовательное, чем в традиционном силлаботоническом стихотворении. Точность эта особенно требуется для передачи настроения. Джаз – это, прежде всего, настроение. Поэтому-то «джаз-форма» так удобна для описания пейзажей, коротких зарисовок, сильных впечатлений. Вот фрагмент из «Постимпрессионизма»:

*Река Рона. Утонувший **корабль**,
зацеплен лохматым канатом
за корму и притянут к причалу.*

***Сентябрь**
погоняет туристов дождем из ваты
облаков, кое-где, нечаянно,
обшитой солнцем по кромке.*

*Городок **Арль**,
в бесконечной печали
по Винсенту, заполнен коммерцией
из памятников его полотнам.*

*Остальное – обломки
Рима. Когда-то стоявшие сестерции,
сегодня бесценны, судя по толпам,
их обступившим плотно.*

в) Ритм и размер

Очень часто джаз-стих начинается в одной форме, потом переходит в другую и заканчивается, например, просто белым стихом. Это нормально. До тех пор пока замены ритма и нерегулярность размера оправданы необходимостью как можно лучше донести смысловое содержание до читателя-слушателя. Это и есть главная причина многоразмерности внутри одного стихотворения.

Уйдя от ограничений любой регулярной поэтической формы, «джаз-форма» может быть оправдана только легкостью и ясностью смысла, сохраняя при этом многослойность, многовариантность содержания, которое она доносит. Доносит легко. На волне музыки. Даже внутренние рифмы участвуют в размере – при этом звучит всё, а не только концы строк, как это часто бывает в регулярных размерах. Вот «Незнакомка», привожу целиком (рифмы не выделяю, пусть она просто звучит)

*Как-то в метро пишу стихи.
Напротив девочка,
мороженое лижет.
Легки
движенья языка,
и книжек
не надо ей – она сама строка.
А ленточка,
повязанная ниже
кричащей блузки! А рука –
не та,
что держит вафельный стакан
повыше
и пока
недвижна,
но та,
что пальцами играет на бедре,
что лишь в календаре
«японского варианта»
встречается раз в ...дцать страниц.
И лиц
кантата
уже неслышима
из-за неё. Тем более что вышивка*

рисунка
приводит взгляд туда, где юбка
кончается внезапно... Дальше – сумка
стоит,
зажатая ногами.
И капля «Крем-брюле»,
попавшая на край,
блестит,
напоминая мне,
что месяц май,
там, над домами,
посреди ветров,
и не остыл
в жуков жужжанье.
Одно желанье –
выйти из метро
и никогда не сочинить ни строчки.

3. Почему и зачем?

Общее нарастание энтропии в современном мире давит на традиционные стены регулярных поэтических форм. Силлаботоника в русском языке живет с середины XVIII века и до сих пор – любимица поэтов. Почему это так, когда, например, в английском языке силлаботоника давно подвинулась с ведущих позиций? Это отдельная тема для исследования: отмечу только, что традиционные ритмы не устарели, просто они становятся всё более ограниченными по мере развития общества. Содержание стихов усложняется и всё чаще не хочет подчиняться размерам силлаботоники. Пока речь шла, в основном, об искусстве поэзии – силлаботоника работала отлично. В наше ускорившееся время искусность мастера как таковая уже не так важна по сравнению с точностью и лаконичностью содержания.

Всякий профессиональный поэт может писать в любом стиле и на любую тему. Закончился сдвиг того, что важно – от формы в суть. Искусство поэзии не в красоте донесения смыслового сообщения, а в слиянии смысла и формы в одну единую гармоничную субстанцию стиха, которая имеет поэтический стиль, максимально подходящий для доносимой сути.

Только простейшие гармонии вселенной подчиняются регулярности. Остальное их большинство – более сложно. Так что в какой-то момент уже невозможно мыслить в рамках строгих форм, когда слушаешь космос. «Джаз-поэзия» – это инструмент, позволяющий более точно передать значение божественного Слова, Слова, выловленного из потока, к которому поэту удалось подключиться и подслушать.

Но когда силлаботоника соответствует теме – то, конечно, надо её использовать. Тогда незачем уходить в джаз. Инструменты выбираются под задачу.

*Должны быть просто музыка и тема.
Всё остальное – дело ремесла.
И ручка – рукоятка от весла.
Под ним бумаги рвущаяся пена.
Гармония оттачивает боль
И боль рубцуются – и это все, что было.
И время, повернувшееся вдоль,
Захвачено. Застыло.*

(Калифорния. Вудсайд. 09/2013,05/2018)

вдвоём с Сизифом

ВДВОЁМ С СИЗИФОМ

Поле. Слежавшаяся сухая, невозделанная почва. Невысокие колючки. Лес колючек, упирающийся в горизонт. Редкая вмятина, две, три попытки возделать землю, быть может, посадить что-то. Поле - это целый мир. С чего начать? С уборки валунов, с размягчения почвы, с заточки плуга? Примерно такое ощущение у поэта, смотрящего на Ойкумену и опирающегося на плуг поэзии. Ощущение огромности задачи и понимание ограниченности своих сил, и главное, ограниченности времени. С какого края начать? И неизбежность возделывания. Да ощущение одиночества перед масштабом поля. И потребность работы. Как бы, чем бы она ни кончилась – работа ждет, и часы тикают. Восход уже брезжит, и первые камни уже перевернуты.

Колесо

*Ничего не останется, только глина
слов,
из замеса которых взошёл
и в которые канул.
Информация карандашом
на бумаге, пеликаны
караванным клином
вдоль обрыва над морем.
Баркас, продающий небольшой
улов,
покупатели строим
на причале,
и мое отсутствие, как давным-давно,
тогда, в начале.*

Слово многомерно. И если считать измерения Слова, то первое - буквальный смысл. Второе - звукопись. Если сочетать первое и второе вместе в стихе, то получается поэзия. Силлаботоническая поэзия со своим регулярным ритмом, размером работает по простому принципу: волна буквального смысла ставится в резонанс со звуковой гармонией, опирающейся на регулярный размер и строгую рифму. В результате получается многослойный смысл, многослойное значение слов и словосочетаний. То, что собственно и есть поэтическая вертикаль стиха. Если же идти дальше, а именно, если сделать из строк не размер, а

цельный мотив, если размер не регулярен, а подчинен общей мелодии, то эта мелодия выводит все стихотворение в другую размерность. Таким образом, «джаз-поэзия» – как минимум, трехмерна.

Инструмент «джаз-поэзии» всего лишь инструмент. Да, он современен, и он подходит для работы, но силы ограничены, а поле велико. Я уже не помню, когда я научился писать пейзажи Земли в красках звука. Но с тех пор, как научился, это стало стабильно получаться, если только вовремя суметь задержать впечатление от увиденного и подслушать его тему. Палитра замешана, кисти отточены, холст натянут. Люди, их улыбки, походка, айсберги небоскребов, машины – всё идет в дело, лишь бы мелодия легла точно, лишь бы гармония увиденного была передана, захвачена в застывшем времени. Как-то вот так.

Открытие из Хайфы

*Здесь хорошо в вечернюю прохладу
пройтись под горку, выпить пива,
посидеть
с друзьями вкупе.
Глазам в награду -
виды на красиво
вознесенный купол
Усыпальницы над портом.
В переплетении сетей
из рам подъемных кранов курлычут птицы.
Рой у хранилища в расчете на зерно.
Когорта
из террас
восходит от немецкой слободы
В порядке регулярном. Устремиться
вверх по ним и мне, но
не припас
заранее воды,
хотя бы флягу,
чтобы вблизи разглядывать узоры ваз,
внимать ручьям, шуршащим по ступенькам,
вдыхать цветы в вершинах водостоков
и помаленьку
размышлять, забыв напруги,
о равенстве людей от колыбели*

*и до мгновения, когда уже не храбры.
Сквозь мудрости, услышанные в речи,
смотреть, как волны запада мешаются с востоком
в бокале красного со склонов Галилеи
с пейзажем на кокетливую сабру.
Здесь пил предтеча,
Здесь бывал пророк.*

Форма «джаз-поэзии» удивительно приспособлена к наблюдениям. Так же, как и музыкальный джаз, где мелодия, прыгающая ли по аккордам или текущая потоком блюза забирает слушателя в себя, и ведет, несет, чтобы оставить на другой плоскости, в другом измерении, откуда печали и радости выглядят иначе. Печали мельче, а радости больше. «Джаз-поэзия» меняет масштаб окружающих нас вещей, и это изменение масштаба и есть другая реальность, в которой можно жить дальше.

Да, стихи должны очищать и вести к свету. Насчет очищения – классическая размеренная силлоботоническая строфа делает свое дело отлично. Читая пронзительные строки великих поэтов, мы вздрагиваем, душа трепещет, сбрасывает грязь, и мозг переосмысливает бытие. А вот дорога к свету – это не всегда, а точнее, очень редко. К свету не выйти, если не обрести сил. Освободившись от груза регулярного размера, «джаз-поэзия» позволяет творить в целых, собранных вместе, нерасторжимых узлах сложных эмоций. Сложная эмоция придает силу сразу. А обретение сил – это и есть изменение масштаба. Относительность размеров грусти и радости решает, в конце концов, вечную битву между добром и злом. В этом, видимо, и есть главное удовольствие от жизни.

День первый

*А что, стихи всё равно о чём?
Это - как отправиться в плавание
на кораблике из рифмованных строчек,
подбирая желаемое как главное,
помня, что Бог создавал мир ночью.
Почерк
при таком раскладе был неважен.
Когда мироздание
Зазвучало – в нём уже была рифма.
Кораблик, забитый переживаниями, как поклажей,*

*лавирует между рифов
 сознания.
 Намокает бумага – лишь бы не сесть на мель.
 В нулевой тишине первый звук есть бесконечность.
 А когда растает первое слово –
 это первый рассвет. Первая цель –
 вечность.
 Умирающий звук готово
 рассыпается светом вселенной. Трель
 птичья ещё не сделана,
 а то бы она звучала.
 У кораблика ещё нет причала.
 У нас с тобою ещё нет тела.
 Но есть начало.*

«Джаз-поэзия» не очень любит быть напечатанной. Она ближе к трубадурам. Однако в ту эпоху развитие музыкальных инструментов было еще в зачатке и рифма, опирающаяся на размер, была очень важна. Особенно она стала важна, когда пошло книгопечатание, когда появилась возможность, и стихи стали читать в отрыве от артистического исполнения. Вот тут-то силлаботоника воспряла. Теперь, сегодня, идет следующий виток. На котором новые носители (кроме бумаги) позволяют снова звучать артистическому исполнению, «печатность» рифм уже не так важна, как совокупность их звучания.

Музыка несет в себе свой собственный смысл. Многие наверняка замечали, выходя с хорошего концерта, что мир выглядит по-другому? Это и есть изменение масштаба, о котором идет речь. Человек и природа – как бы солист и оркестр. Они звучат в гармонии данного пейзажа, они резонируют, и оба светятся, и свет одного перетекает в другого. Даже иногда джаз ритм проходит внутри размеренного силлаботонического строя.

Альпийская открытка

*Долина гор, зажата в теснину.
 Деревня ограничена плато.
 Авто,
 подвластное закону серпантина,
 ползёт, не нарушая ни за что
 режим, указанный дорожным знаком.*

*А сверху светят знаки зодиака
прорехами в ночном пальто.*

*Вершины белые над темным скальным торсом
в контраст с домами, где – наоборот –
белеет низ под чёрным контрфорсом
балкона, сдвинутого чуть влёт.*

*Народ,
гуляющий по скользким тротуарам,
цветных витрин манящая жара,
вдыхаемая скальным кулуаром,
где ледопад блестит. Зимы пора.
Наутро камни поседеют снегопадом,
двора
гостиничного станет не узнать,
и склон, что ночью показался рядом,
отступит далеко, не дошагать.*

*Восход румянит белые косынки
далеких пиков. Светится река,
краснеет фартук ледника,
хребта чуть розовеет вязь.
Ты спишь. Подушка сбита. Свесилась рука
с простынки,
в ладошку луч пытается попасть.*

*Другая жизнь – красивая девчонка,
чьи волосы смеются на ветру,
не преступая смутную черту,
щемит в груди, улыбкою, нечётко.*

Что такое «Джаз-поэзия», как она устроена, и какие там действуют строгие правила, я уже писал, сначала в «Манифесте Поэзии» (2013) и недавно, пять лет спустя, более точно, в эссе «Музыка формы» (2018). Так что повторяться не буду, это мысли о применении формы, а не о том, как она устроена. Вот только несколько ключевых определений без иллюстраций и отличий, сугубо для понимания.

Джаз-стих – это рифмованный стих, не имеющий постоянного размера, но в отличие от свободного стиха или дольника имеющий рифмы, часто множественные, расположенные вдоль текста таким образом, что создается общее впечатление цельного произведения, где мелодия слов

переплетается с текстом, дополняя его до общей формы и единого фокуса. Читать произведения, написанные в стиле «джаз-поэзии», лучше всего, произнося слова (хотя бы и про себя). Естественно, что такая форма стиха существует только в тех национальных поэзиях, где есть понятие рифмы и размера.

«Джаз-стихотворение» всегда легко узнать по наличию общей мелодии, выполненной в разных размерах или, иногда, по наличию нескольких мелодий (особенно такая много-мелодийность присуща «джаз-поэмам»), а также, по обилию рифм, перетекающих друг в друга через джазовые цепочки – по так называемой мутации рифм.

В самом термине «джаз-поэзия» второе слово более важно, чем первое. Поэзия существует вне нас. Она была до человека и будет после. Язык – всего лишь инструмент, да и сам поэт – всего лишь среда обитания поэзии.

Да, именно так, ведь если определять живое существо как сущность, способную на воспроизведение себе подобных, то Поэзия – есть форма жизни. Сколько раз мы видим, когда «живые» стихи попадают на почву поэтической души и преобразуются, давая ростки другой поэзии, не менее оригинальной, чем первичные семена. Примеры можно не приводить – они очевидны и вокруг нас. Начиная с поэтов, «вдохновленных» Библией, и до поэтов, вдохновленных творчеством собрата по перу. Логично заключить, что если стих – это форма жизни, то он не нуждается в оправдании своего существования через публикации. Несколько слушателей, читателей близкого круга – достаточно. Хотя, конечно, публикации очень важны самим поэтам.

Точность слов или точность мелодии? Что важнее? В «джаз-стихе» фальшивая нота, неточный аккорд из словосочетаний будут колоть и разрушать волшебство света. Точность слова? Да, конечно, она важна, это же стих все-таки. Но как может быть точным слово, если есть несоответствие между темой пейзажа и инструментом языка? Я пишу по-русски. Но я рисую нерусскую жизнь. Этот конфликт между средой обитания и инструментом возделывания неизбежен. Язык неточен. Даже когда нет конфликта, даже когда русский автор отражает русскую жизнь, он всё равно неточен. После изгнания из Рая, от слов нам осталось их значение, в редком случае не искаженное эпохой или эпохами, прошедшими до нас. Где то

могучее Слово, которым Он создавал вселенную? От него человеку даны только два измерения – смысл (о котором мы всё спорим и спорим) и звук. И иногда звук более точен.

Поэзия

*Язык – тюрьма моя. Не выйти.
И ни подкуп, ни подкуп невозможны.
Марионетка в предложений нитях -
опутан ложью.
Покрытый потом,
по непроложенной
тропе
к вершине Истины иду, бренча
словами
под клёкот
времени, точнее под припев.
Но под ногами -
лишь песок, и редко – звука камень.
Как шторм в причал,
бьюсь бешеным прибоем
о скалы сути волнами бегущих фраз
на брызг бессонниц. И рукой слепою
вычерчиваю вязь
иллюзий.
Но беспокойным ливнем текста водосток,
кружась,
впадает в Лету.
Рукою заскорузлой,
мгновеньем света,
баланду слога шваркнут на листок.
Пожизнен срок.
Я оставляю меты
на стенах словосочетаний -
сам не Слово. Из начертаний –
только нить мечтаний -
вот всё, что смог.*

(California. Woodside, Jul 2018)

СОДЕРЖАНИЕ

Время кружится в «па» под размер трех четвертых (стр. 5)

Игра, Йом-Кипур, Художник,
На смерть художника,
Несемейный альбом,
к юбилею Пьеро, к юбилею Джульеты,
«случайно вас конда-то встретя»,
«когда уходит поэт»,
Разговор с бабушкой,
Моисей, Весна,
Колесо, Дата,

Мой терпеливый край (стр. 27)

Памяти пожаров в Калифорнии,
Лас Вегас, Эпоха выбора,
К 21-му чемпионату мира по футболу,
Полоний, Солдат

Миндальные подняв глаза (стр. 37)

Винный маршрут,
Сентябрь в Палмеле,
Постимпрессионизм,
Открытка из Хайфы,
Швейцарская открытка, Новый Год,
Чикаго блюз, Ривьера Майя,
Австрийская открытка, Санта Круз,

Покой и красота – гармонии богатства (стр. 53)

Язычество, Февральская пауза,
Круги на воде,
Живопись, Времена Года,
Горизонт, Перекресток,
Закат, Эмигрантская элегия,
Кристофер Mayflower,
1990

Иллюзия перемещения (стр. 73)

Ever after,
«Мы спорим о птицах», Апостол,
Очищение, Колыбельная,
Фривей, Одисей,
Глина, Поэзия,
Пророк.

Музыка формы (стр. 89)

Вдвоем с Сизифом (стр. 103)

